

УДК 18

DOI: 10.34670/AR.2021.95.75.024

Полиморфный характер исторического дискурса

Федорова Жанна Викторовна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры Философии и медиакоммуникаций,
Казанский государственный энергетический университет,
420034, Российская Федерация, Казань, ул. Красносельская, 51;
e-mail: fedorova_zhanna_v@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу соотношения философских и филологических подходов в историческом жанре, интерпретируемом автором в контексте эстетических (дискурсивных) практик. Обосновывается положение о том, что жанровые признаки исторического повествования являются классической парадигмой эстетики и теории литературы, но не отражают в полной мере специфику исторического подхода к событию/явлению.

Автор анализирует системные признаки исторического дискурса (соотношение факта и вымысла, единство социального пространства-времени, авторскую интерпретацию истории), показывает их влияние на осмысление исторического процесса. В статье подчеркивается, что в совокупности данные модусы представляют собой сущность исторического дискурса. Автор актуализирует идею их философского (эстетического) обоснования, что позволяет выявить специфику историзма как казуса исторического бытия. Соотношение философских и филологических оснований интерпретируется автором в контексте взаимодействия понятийных аппаратов, общих эстетических парадигм и схем мышления.

Для цитирования в научных исследованиях

Федорова Ж.В. Полиморфный характер исторического дискурса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 2А. С. 248-253. DOI: 10.34670/AR.2021.95.75.024

Ключевые слова

Исторический жанр, дискурс, историзм, эстетическая парадигма, социальное пространство, социальное время, философия истории.

Введение

Одним из ключевых процессов современной науки является интеграция – объединение, взаимопроникновение, взаимодействие, синтез наук и научных дисциплин, изучение явлений на «стыке», возникновение пограничных дисциплин и методов. Так, новые тенденции характеризуют социологию литературы с точки зрения бытования художественного текста как социального факта и политическую лингвистику – изучения языковых триггеров политических текстов. Как отдельное научное направление оформилось исследование различных аспектов деятельности исторической личности (например, Бодуэн де Куртене как лингвист, как педагог, как общественный деятель). Представляется, что это актуальный подход, применимый при анализе литературно-эстетических жанров и форм.

В русле данной модели рассмотрим жанр исторического повествования как исторический дискурс в контексте постмодернистских культурных практик и ожиданий современной гуманитаристики (например, идей С.Н. Зенкина [Зенкин, 2018, 160-165]). Не вдаваясь в подробности теории дискурса, отметим только, что дискурс, в отличие от жанра, – это особый вид языковой деятельности, представляющий собой открытый тип текста, или, по В. фон Гумбольдту, «Energieia» (процесс деятельности: «Язык <есть> деятельность» [Гумбольдт, 2000, 70]). И если исторический жанр обладает структурными признаками: *couleur locale* (изображение местного колорита), историчностью (использование исторических фактов и персонажей), стилизованным языком [см.: Федорова, 2018], то исторический дискурс – системными: историзмом (соотношение факта и вымысла для изображения прошлого как изменяющегося бытия), единством социального пространства-времени, наличием авторской исторической концепции, призванной показать объективные закономерности исторического процесса через призму художественной индивидуальности.

Цель статьи – анализ особенностей взаимодействия философских и филологических оснований в историческом дискурсе как художественно-эстетической явления. Основой методологии исследования стал рефлексивно-критический подход.

Единичное, особенное и общее в историческом дискурсе

Вообще, историко-художественное направление – востребованная у писателей, читателей, критиков и исследователей литературно-эстетическая форма, интерес к ней стабилен на протяжении всей ее истории. Так, например, в период становления повествовательных форм на историческую тематику (с 1831 по 1839 гг.) в России вышло 93 произведения данного направления, что составило более половины (159 наименований) всей отечественной романной продукции того периода [Ребеккини, 1998, 419]).

Популярность исторического повествования была связана, в первую очередь, с формированием идеи самобытности русского исторического процесса. Задачей исторического жанра считалось выявление духа народа/нации в различные периоды его бытования, описание национального характера и особенностей быта. Исторический роман считался формой познания, которая отражает характер исторического момента, в силу чего интересуется «всех и каждого» [Белинский, 1953, 42].

Историческое повествование уже в 1830-е гг., когда структурные (жанровые) признаки еще только складывались, актуализировало задачу раскрытия духа народа в различные периоды его бытования и характеристик национального характера. Романная форма этого типа являлась

имперфектом познания, гносеологической полиформой, отражающей дух и характер исторического момента.

Отметим еще, что не все писатели и исследователи считали исторический жанр полноценным эстетическим явлением. Так, крайне резкие взгляды характеризуют позицию О. И. Сенковского – известного журналиста, критика и писателя первой половины XIX века, он писал буквально следующее: «я не люблю исторического романа. Я люблю нравственность. Душе моей противно брать в руки незаконнорожденного ребенка: исторический роман, по моему, есть побочный сын, без роду и племени, плод сладострастного прелюбодеяния истории с воображением» [Сенковский, 1834, 14]. По мнению критика, исторический роман – это ложная форма прекрасного, в факте развития которой он видел «порождение искусства, клонящегося к падению» [Сенковский, 1834, 16]. Этот жанр есть фикция, а тот, кто признает его статус, имеет дело с «уродом», составленным из двух противоположных начал – искусства (литературы) и науки (истории). Что, заключает критик, противоестественно.

Действительно, у писателя и историка всегда разное отношение к историческому (исходному) тексту. Историк обрабатывает документ, выделяет в нем достоверные факты и отбрасывает все остальное, чтобы дальше оперировать проверенными фактами вне его нарративных возможностей. Писатель находит в исходном тексте новые смыслы и интерпретации, игнорирует вымысленность и художественный фантазм.

Как отмечал В.Г. Белинский, исторический роман есть «точка, в которой история (наука) сливается с искусством» [Белинский, 1953, 42-43]). Двойственная природа исторического повествования предопределила и амбивалентный подход к его анализу: история, литература и эстетика становятся единым маркером познания. Именно поэтому историческое повествование рассматривается как совокупность многих культурологических проявлений и эстетических форм, примыкающих к различным литературным родам и видам.

Внимание к историческому дискурсу, его постоянное переосмысление характеризует способность данной литературно-эстетической формы видоизменяться. Это актуализирует новые подходы к ее особенностям, теоретическим проблемам и системообразующим элементам.

Системные признаки исторического дискурса: эстетические ожидания

Анализируя исторический дискурс, принято, прежде всего, доказывать или опровергать его историческую достоверность. Для этого обычно «отделяют «правду» от «вымысла» – то, что автор взял от подлинных документов, от того, что он привнес своего, в документах отсутствующего» [Реизов, 1986, 119]. Некоторые исследователи (например, И.П. Щерблюкин) степень достоверности считают главным критерием исторического дискурса. Однако если историк проводит «различие между существенными и несущественными фактами и в этом отношении похож на естествоиспытателя» [Милованова, 1976, 6], то писатель просто излагать факты не может, он лишь отталкивается от них, разрабатывая психологию героев, их характеры, поведение, а так же фабулу, идею, тематику произведения. Так, Н.М. Карамзин замечал, что исторический факт может оказаться недостоверным в произведении искусства, поскольку его эстетические и функциональные задачи не могут быть сведены к фиксации документальных маркеров.

Дискуссия об историзме как базисе исторического дискурса является концептуальной. Так, в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» Л.Н. Толстой писал, что разногласия

в описании исторического события неизбежны: «для историка, в смысле содержания, <...> есть герой, для художника <...> не может и не должно быть героев, а должны быть люди» [Толстой, 1987, 517]; для философа – эпоха в ее диалектике. Писатель всегда и во всем старается показать и понять не деятеля, а человека. Ему важен сам факт события, историку – результат, философу – процесс. Л. Толстой отмечал, что история всегда основывается на документах, писатель же из них «ничего почерпнуть не может, они для него ничего не говорят, ничего не объясняют» [Толстой, 1987, 518]. Писатель всегда «выводит» свое представление о событиях, поэтому очень часто выводы писателя и историка относительно исторической реальности не совпадают.

Специфика осмысления исторических фактов связана с субъектным авторским взглядом на историю, на ход исторического процесса, на его причинно-следственные связи и зависимости. Нарратив предполагает наличие концепции, своеобразной «философии истории», призванной показать объективные закономерности исторического процесса через призму авторской идеологии. Она является базисом для изображения не только прошлого. Изображая прошлое, проводя параллель «настоящее через прошлое», писатель проецирует ее на современное ему общество и, как правило, использует метод исторических аллюзий.

Один из отечественных исследователей исторического дискурса – С.М. Петров – отмечал проблемный характер взаимодействия исторического и современного: следует избегать «осовременивания» исторической эпохи, отмечал он [Петров, 1984, 7].

Элементом, определяющим сущность исторического повествования как дискурса, является пространственно-временной континуум. Пространство и время – «априорные формы чувственного восприятия» (по И.Канту), то есть такие формы, которые, в отличие от внешних форм событий и процессов, не подлежат опытному познанию, а образуют внутренний аппарат этого познания: история как событийная жизнь людей в социальном времени и пространстве.

Социальное пространство – это локус социальных процессов, социальных отношений, социальных практик, социальных позиций и социальных полей, функционально связанных между собой. В историческом дискурсе под социальным пространством можно понимать среду, в которой осуществляются социально-исторические отношения, при этом история воспринимается как форма социальной практики.

Социальное время – время, в котором человеческая активность создает тот или иной исторический тип общества. Люди, создавая социальное время событиями личной жизни, могут относиться к нему как к надындивидуальной внешне заданной и неизменной системе координат. Однако они сами определяют последовательность и границы событий, делят их на этапы, что заставляет обращать внимание на подвижность и неоднородность временных связей.

Социальное время не совпадает с астрономическим, так как это протяженная длительность выполнения общественно-исторических функций. Социальное время обладает качеством обобществлять историческое событие, отправная точка всегда наделена социальными последствиями; это время, воплощенное в событиях, вещах, условиях, создающих их пространственное измерение.

«Ткань» исторического дискурса создается в ходе анализа первоначал бытия и его метаисторического смысла. Это не означает, что происходит механическое сложение отдельных фрагментов планетарной истории. Наоборот, предполагается целостное познание исторического процесса в контексте мировоззренческих проблем, не имеющих однозначного решения на базе фактов. Это проблемы первопричины и целенаправленности истории, прогресса и регресса, универсальности и разветвленности, детерминизма и свободы воли.

Заключение

Исторический дискурс – это не столько литературно-художественный жанр, сколько форма познания настоящего через прошлое и своеобразная философия истории. История как средство познания действительности, она «<...> есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития. История обнимает все» [Киреевский, 1984, 44].

Вопрос о специфике взаимодействия истории, филологии и эстетики уже не носит дискуссионный характер: в современной гуманитарной науке сложилось понимание, что исторический дискурс их интегрирует. Эта тенденция просматривалась с XIX века, когда филология и философия (а точнее эстетика как область философского знания) являлись дисциплинарными партнерами. Исторический дискурс представляет собой эстетическую явление, предложившую в качестве культурно-образовательного архетипа обобщающий подход, позволяющий выводить из логического абсолюта конкретные возможности для осмысления сущности исторических событий, духовных реалий исторической эпохи.

Цель исторического дискурса – показать не столько людей или события (что является задачами исторической романистики с ее уклоном в позитивистский сбор/коллекционирование событийных явлений, языковых фактов, бытовых подробностей), но историческую эпоху в ее своеобразии, неповторимости, изменчивости посредством философско-эстетической методологии. Сущность исторического дискурса заключается в синтетическом характере, он существует как совокупность многих форм, примыкающих к различным художественным родам и видам.

Библиография

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Академия наук СССР, 1953-1959. Т.1. 562 с.
2. Гумбольдт В. Избранные работы по языкознанию. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. 400 с.
3. Зенкин С.Н. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.
4. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 384 с.
5. Милованова О.О. Проблемы художественного историзма в русской критике пушкинской поры. Саратов: Саратовский государственный университет, 1976. 77 с.
6. Петров С.М. Русский исторический роман XIX века. М.: Художественная литература, 1984. 372 с.
7. Ребеккини Д. Русские исторические романы 30-х гг. XIX в. // Новое литературное обозрение. 1998. №34. С.416-434.
8. Реизов Б.Г. История и теория литературы. М.: Наука, 1986. 319 с.
9. Сенковский О.И. Мазепа // Библиотека для чтения. 1834. Т.2. Отд.5. С.1-45.
10. Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т.VI. С.514-525.
11. Федорова Ж.В. Лингвокультурологические маркеры исторического дискурса // Иностранные языки в современном мире: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Казань: Издательство Казанского университета, 2018. С.204-210.
12. Щеблыкин И.П. У истоков русского исторического романа. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 1992. 181 с.

The polymorphic nature of historical discourse

Zhanna V. Fedorova

PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Philosophy and Media Communications,
Kazan State Power Engineering University,
420034, 51, Krasnoselskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: fedorova_zhanna_v@mail.ru

Zhanna V. Fedorova

Abstract

The article is devoted to the analysis of the correlation of philosophical and philological approaches in the historical genre, interpreted by the author in the context of aesthetic (discursive) practices. The article substantiates the position that genre features of historical narration are the classical paradigm of aesthetics and literary theory, but do not fully reflect the specifics of the historical approach to an event / phenomenon.

The author analyzes the systemic features of historical discourse (the ratio of fact and fiction, the unity of social space-time, the presence of a historiosophical concept), shows their influence on the comprehension of the historical process. The article emphasizes that, taken together, these modes represent the essence of historical discourse. The author actualizes the idea of their philosophical and aesthetic substantiation, which makes it possible to reveal the specifics of historicism as an incident of historical life. The correlation between the philosophical and philological foundations is interpreted by the author in the context of the interaction of conceptual apparatuses, general aesthetic paradigms and thought patterns.

For citation

Fedorova Zh.V. (2021) Polimorfnyi kharakter istoricheskogo diskursa [The polymorphic nature of historical discourse]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (1A), pp. 248-253. DOI: 10.34670/AR.2021.95.75.024

Keywords

Historical genre, discourse, historicism, aesthetic paradigm, social space, social time, historiosophy.

References

1. Belinskij V.G. (1953-1959) Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t [Complete works: in 13 volumes]. Moscow: Akademija nauk SSSR.
2. Gumbol'dt V. (2000) Izbrannye raboty po jazykoznaniju [Selected works on linguistics]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa «Progress».
3. Reinkin S.N. (2018) Teorija literatury: problemy i rezul'taty [Literature theory: problems and results]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Kireevskij I.V. (1984) Izbrannye stat'i [Featured Articles]. Moscow: Sovremennik.
5. Milovanova O.O. (1976) Problemy hudozhestvennogo istorizma v russkoj kritike pushkinskoj pory [Problems of artistic historicism in the Russian criticism of the Pushkin epoch]. Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj universitet
6. Petrov S.M. (1984) Russkij istoricheskij roman XIX veka [Russian historical novel of the nineteenth century]. Moscow: Hudozhestvennaja literature.
7. Rebkini D. (1998) Russkie istoricheskie romany 30-h gg. XIX v. [Russian historical novels of the 30s. XIX century]. Novoe literaturnoe obrozrenie [New literary review], no.34, pp.416-434.
8. Reizov B.G. (1986) Istorija i teorija literature [History and theory of literature]. Moscow: Nauka.
9. Senkovskij O.I. (1834) Mazepa [Mazepa]. Biblioteka dlja chtenija [Library for reading], Vol.2, pp.1-45.
10. Tolstoj L.N. (1987) Neskol'ko slov po povodu knigi «Vojna i mir» [A few words about the book «War and Peace»]. Sobranie sochinenij: v 12 t. [Collected works: in 12 volumes]. Moscow: Pravda, Vol.VI, pp.514-525.
11. Fedorova Zh.V. (2018) Lingvokul'turologicheskie markery istoricheskogo diskursa [Linguocultural markers of historical discourse]. Inostrannye jazyki v sovremennom mire: sbornik materialov XI Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii [Foreign languages in the modern world: collection of materials of the XI International scientific and practical conference]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, pp.204-210.
12. Shheblykin I.P. (1992) U istokov russkogo istoricheskogo romana [At the origins of the Russian historical novel]. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet.